

K 1324940

Amorphas

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

10

**Вологда
2000**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
Г. Горбовский, И. Туманов и др.	4
В МИРЕ РУБЦОВА	13
А. Кузнецов	13
Н. Устюжанин	13
В. Иванов	13
ИЗБРАННОЕ	15
Н. Бушенев	15
А. Зарубин	15
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	16
О стихах М. Карабеева	16
ПОЛНЫЙ РЕЕСТР...	18
КНИЖНАЯ ПОЛКА	19
Ю. Максин	20
В. Белков	24
Н. Усанов	26
А. Пощеконов	27
ПАМЯТЬ	28
Л. Шабанова	28
А. Швецов	29
АВТОГРАФ.....	30
В. Шукшин	30
М. Исаковский	31
ГРАФИКА	33
Художники из Сокола	33
ПРИЛОЖЕНИЕ	35
Книжные знаки вологжан	35

ПРЕДИСЛОВИЕ

Десятый, юбилейный, номер журнала “Автограф” перед вами, дорогие читатели. Мы не стали устраивать каких-то особых торжеств или сюрпризов. Выходит обычный номер, с традиционными рубриками.

Мы поздравляем всех членов редсовета, и особенно наших постоянных помощников – В. В. Попову, М. М. Казанскую, М. А. Полетову, В. В. Соколова, А. М. Дубинина и других.

В январе 2001 года мы отмечаем юбилей Николая Рубцова – его 65-летие. Слава поэта воистину стала всенародной. Недавно вышел трехтомник Рубцова. Много песен звучит. Только в Череповце, например, на слова Рубцова пишут песни Николай Цветков, Юрий Корсаков, Сергей Дмитриев, Андрей Широглазов, Александр Русанов, Сергей Суворов и другие.

Мы надеемся на отзывы читателей по поводу этого и других номеров журнала “Автограф”.

И, наконец, два приятных известия: в 37 школе Вологды открылся музей Рубцова, а в 12-й школе – литературный музей.

Вячеслав БЕЛКОВ

Стихи последних лет

Глеб ГОРБОВСКИЙ

Последняя за окнами пурга.
Ушло пальто в ломбардные бега.
Зато видна береза из окна.
Пришла весна. Зато ушла жена.
Записки не оставила. Права;
плохой имела почерк. Как сова.
Пришли друзья. Зато ушли рубли.
Последние... как мягко на мели.

Что за странная страна,
не поймешь, какая?
Выпил – власть была одна,
закусил – другая!

Юрий МАКСИН

Мне приснилась собака,
лизнула мой нос.
От жены не дождешься такого.
И по этому поводу зреет вопрос,
И цепляется слово за слово.
И ругаюсь,
и пробую рифмы писать,
и ломаю железные перья.
На экране в углу растягивалась
жердь,

И по этому поводу – зверь я.
Ну, когда вы поймете,
что надо любить,
как собака,
что в сон заходила
и лизнула лицо,
а могла укусить,
что любовь – это вечная сила.
Это наша с тобой – золотая струна
и чужим ее трогать не нужно.
И ее задевают
то он,
то она,
то ее задевают супружно.
Нам бы вспомнить, сыграть бы
в четыре руки
и в четыре ноги – без преграды.
Закрываю глаза, и мне лижут виски
две собаки
из райского сада...

Никон СОЧИХИН

Меня учили часто
И всюду и везде,
Что счастье-то – в несчастье,
А радость-то – в беде.
Живи, как все. Работай.
Силенок не жалей...
А это просто ботали
По фене, дуралей.

Елена ХРУСТАЛЕВА

A.B.C.

Ведь это маленькое чудо –
Любая встреча двух людей.
И я выкладывать Вам буду
Наивный бред моих идей,
Злословить буду и смеяться,
Устрою танец рук и глаз.
Нам с Вами нечего бояться
Спектакля этого “на час”.
Отвлечься чуточку поможем
Друг другу от текущих бед:
Сюжет не нов, да и не сложен,
Надежный, простенький сюжет.
Я ничего не жду от Вас,
Мой друг на год или на вечер,
Но пусть останется для нас
Немножко чудом эта встреча.

г. Белозерск

Галина КОНСТАНСКАЯ

Качаются качели –
Моей судьбы каприз.
Счастливая взлетела,
А со слезами вниз!
Летят качели кверху –
Сейчас схвачу звезду!
Но долгий путь к успеху,
И я опять внизу.

Мне нравится идеиный
Размах моих качелей.
Все меньше поражений,
Все ближе пик победы!

март 1991 г.

Виталий СЕРКОВ

Оглох ли я, иль ты уже ослепла
И льнешь еще ко мне на риск и
страх,
Надеясь, что поднимется из пепла
Давно перегоревшее в кострах.

Не дом у нас, а попросту жилище.
Кого теперь за это укорять?
О, как мне страшно тронуть
пепелище –
Последнюю надежду потерять...

Нина ТКАЧЕНКО

Светлоокая и зеленая,
Дорогая моя сторона.
Я девчонка, в тебя влюбленная,
Жизнь тобою моя полна.
Ты широкая, ты раздольная,
Вологодская сторона.
Синеокая песня вольная,
Замечательная страна.

п. Чёбсара

Евгений ЖУРИН

НЕ ПОЖЕЛАЮ НИКОМУ

Читал я книгу и грустил:
Муму Герасим утопил.
Не пожелаю никому
Таких друзей, как у Муму.

МНЕ БЫЛО ГРУСТНО

От ливня
на асфальте дрожь.
Мне было грустно без галош,
Пока не встретил я – о, Бог! –
В коляске паренька без ног.

АВТОГРАФ

Ночь за окном, дела плохи.
Я в камере пишу стихи.
Но вдруг я мнение сменил:
Конвой автограф попросил.

Сергей ОХАПКИН

Ходить. Смотреть на огненный
закат,
срывать цветы и ни о чем не
думать.
Морковкой свежевытасченной
хрумкать,
прогуливаясь по дорожке в сад.

И просто так, без всяких грустных
дум,
глядеть на то, как угасает солнце,
как напоследок вспыхнуло оконце,
и в мрак ночной укрылся тихо дом.

И, не тревожа пыл груди ранимой,
Не вспоминать украдкой о тебе,
Моей любви к сияющей звезде,
Такой далекой и... недостижимой.

г. Устюжна

Александр ПОШЕХОНОВ

ХУДОЖНИК

E. Мартишеву

Художник странен и угрюм
Для бытового маскарада,
Душа любой былинке рада,
Но он живет во власти дум.

Душа звенит от пустяка,
Она светла земной любовью,
Но перед ним встают века,
Омытые слезой и кровью.

И он спешит запечатлеть
Отечество в делах и лицах,
Рискуя тотчас умереть
И лишь в столетиях – явиться!

Вячеслав БЕЛКОВ

A. Драчеву

Вы пили водку
в пыльной кочегарке,
Там Илья всем
наливал по чарке,
И красным светом
наливался глаз,
Где три зрачка
сияли, как компас...
Меня же черт
от этого упас,
И вот опохмелясь
я за вас.

Михаил СОПИН

Пожиратель. Жертва. Жрица.
Как достоинство – изъян.
И вокруг меня
Кружится
Хор
Метельных
Обезьян:
Поцелуи, похоть, вздохи.
Всходни к плахе, на крыльце?
Смех застолий.
Стонов крохи.
И слетает
Снег
Эпохи
В бывшее мое лицо.

Андрей ПЕТУХОВ

Воды реки и мостки на воде,
Берег пологий, поросший осокой,
Поле над ним – борозда к борозде,
В сердце моем стали песней
высокой.
Грянет ли гром над свинцовой
водой,
Скосит ли кто луговую осоку,
Хлынет ли в поле бурьян чередой,
Сердце ль пробьется к последнему
сроку:
Надо мне жить ради отчей земли,
К ней прикасаться с великой
любовью,
Знаю: за волю в душе и в крови
Предками щедро заплачено
кровью.

Ирина ТУМАНОВА

Не говори, не плачь, ведь мне и так
темно.
Единственная радость – раскрытое
окно.
Вздыхает синевою далекая мечта,
И шепчут что-то в душу печальные
уста.
Седые льды печали мне вновь
сковали ум,
И память вмиг забыла веселый
летний шум.

В другой вселенной где-то
Звучит прекрасный звон,
И снова до рассвета мне будет
сниться он.

Татьяна ЦВЕТОВА

Дождь кончился,
а с крыш ручьем вода
не прекращает течь,
хоть солнце светит.
Так и стихи –
давно ушла беда,
пою ту боль,
которой нет на свете.

г. Сокол

Александр ДУБИНИН

СТРАНА

Из-за дуры унылой
В поле мрак. Ни следа.
Нету песни постылой.
Нету даже труда.

Ничего. Ну, пустыня!
Вот бы плуг. Тракторок.
Нету. Двинешься – мина.
Утром воздух высок.

Ни ребенка. Ни луга.
Ни достойной жены.
Нету пьяницы друга.
Не слыхать и войны.

В сердце, где-то далеко,
Задевает струна.
Сяду в поле широком.
Что мне эта страна.

Полюбил горе-поле
И смеюсь до утра.
Плакать что ли от боли?
Нету в мире добра.

Валерий ТРОПИН

A. Хазову

Бросив дома теплые постели
И квартир насиженный уют,
У костра ночного “менестрели”
Песни незапятые поют.

И поют, и спорят, и смеются,
И читают терпкие стихи,
Чтобы окрыленными вернуться
В домики уютные свои.

Протрубят прощальные фанфары
Поездов, несущихся в тиши,
А в купе под тихий звон гитары
Песня вырастает из души.

Марина ОСИЕВА

ЯНВАРЬ

Январь метелит и капелит,
Решил побаловать народ,
Несущий душу в слабом теле
Сквозь цепь невзгод.

В наш век и зимы поослабли,
И Дед Мороз, видать, не тот:
День-два помашет звонкой саблей
И – спать идет.
Спи, Дед Мороз. Январь веснянься!
Лепи сосульку-леденец,
Но мне, обманщице, признайся,
Ты – тоже лжец.
И все лжецы! И все и всюду
Болеют недугом одним...
К чему капель – к добру иль к худу?
Но март зимой – необходим!
Я этой лжи январской рада
И рву сосульки, как цветы.
Мне эта оттепель – награда,
Взамен несбывшейся мечты.

Андрей ШИРОГЛАЗОВ

СТРАХ

Есть у каждого поэта
за написанное страх.

Я курю, и сигарета
нервно пляшет на губах...

Он рождается до света
из январской темноты.

Я курю, и сигарета
сыплет пепел на листы...
У него свои приметы,
свой мирок, свое “люблю”.

Я курю, и сигарета
чертит в воздухе петлю...

Он и друг, и враг, и вето
на крылатого коня.

Я курю, и сигарета
гаснет в пепельнице дня...

Иван БАРАНОВ

Шуршали шины. По проссе
Шли большегрузные машины,
А вдоль дороги шел мужчина
С щемящей болью на душе.
Шел дождь. Разбрызгивая грязь,
Машины грузно шли и нервно.
Нет, он не первый был, наверно,
Кто с жизнью сей утратил связь.
Кто потерял в ней всякий смысл,
Ту нить, соломинку, росточек.
Существовать не стало мочи
Уже в бездумном мире числ.
О мир! Расхристанный и злой –
Хозяин числ и наших судеб.
Тебе, что люди, что не люди,
Все посыпается золой.
Так человек ушел, сгорел,
Стал редким микроэлементом,
А был таким интеллигентом,
И тоже песню не допел...
И я свою не допою,
И смерть приму по-философски:
Найти б на гроб сухие доски,
Да в землю б лечь не на краю...

г. Сокол

Ирина ДОНСКАЯ

НЕ ХОЧУ ЗАМУЖ!

Будь то крепость. Будь то замок,
будь то хижина в лесу –
девки все желают замуж
до чихания в носу.
Выйдут замуж – и балдеют,
верещат на все лады,
хоть от этого имеют
много разной ерунды.
То мужья глядят налево,
то хворает ребятня
(даже если королева,
а не баба у плетня).
И замужние подружки
тоже слезы льют рекой
и в заштатной деревушке,
и в квартире городской.
Нет, подобную нелепость
я в свой дом не понесу –
будь то замок, будь то крепость,
будь то хижина в лесу...

ВСТРЕЧА

Да поймите вы, женщина глупая,
Я его не люблю ничуть!
Это он меня взглядом шупает
и мечтает раздеть и разуть.
Я гоню, а он возвращается.

Я ругаюсь, а он молчит.
Боже, сколько в вас умеется
обличений и злых обид!
Да ни с кем я, ни с кем не спуталась.
Не кричите, не злитесь зря.
Просто так все в жизни запуталось
с позапрошлого сентября.
Да, он ходит ко мне по пятницам,
это правда, без дураков.
Ну, а что же мне – задом пятиться
от всех встреченных мужиков?
Я гоню его – он возвращается.
Я ругаюсь – а он молчит.
А потом два часа прощается
и в прихожей столбом стоит.
Ну, не в шею же гнать, болезного
и несчастного на мороз.
Он мне много сделал полезного:
починил диван, пылесос.
И за это тарелку супа я
наливаю ему подчас.
Да поймите вы, женщина глупая,
он идет не ко мне, а от вас!

Павел ШАРОВ

ЧЕРЕПОВЕЦ

Стоят часы на башне,
на башне городской,
откуда видно пашни
и церковь за рекой.

По горло зимний город
закутан в белый плат,
проспектами распорот,
кварталами разъят
на три неравных части,
и каждая – дурдом!
Грозят, оскалив пасти,
не страшным ли Судом
те заводские трубы?
О, бедная Шекспина!
Скажите, жизнелюбы,
наступит ли весна?
Я прозреваю въяве
тот ад, где вы и мы
в своем законном праве
не избежим зимы, -
не ядерной, так вечной!
Покуда же – молчок...
Расскажет все запечный
товарищ мой сверчок.

Ирина УСПЕНСКАЯ

Не отыхая, просто так
по дну ручья тащился рак.
Его спросил ученый муж:
Ну, как живешь, хозяин луж?
Ужель тебе не надоело
Таскать уродливое тело
И, веселя речной народ,
Всю жизнь ползти хвостом вперед?
Вдбавок я спросить бы мог:
Зачем уроду восемь ног?

Но, впрочем, мой язык коварен.
Красив и ты, когда ты сварен.

г. Сокол

Вячеслав ХЛЕБОВ

ТРАГЕДИЯ ЧЕРВЯКА

Червяк, почувствовав озноб,
Решил понежиться на солнце.
Он вылез из земли в оконце,
Но угодил Вороне в зоб.

Прервать нетрудно жизнь земную,
Когда идешь по ней вслепую.

ВЗГЛЯД КОНИЯ

-Ну, Конь, ликуй! Кричи ура! –
Сказал Козел. – Свершилось чудо!
Звериный слет прошел вчера.
Теперь злодеям будет худо.
Грядут серьезные реформы –
Баран отныне стал царем.
Он доведет закон до нормы
И залатает дыры в нем.
Наметил много новых троп...
Конь возразил:
-Не верю! Что ты!
Баран имеет толстый лоб,
А в голове одни пустоты.

Дыр не убавится в законе,
Когда Баран сидит на троне.

В мире Рубцова

Александр КУЗНЕЦОВ

О РУБЦОВЕ

После пединститута я получил распределение на работу в Устьтолшменскую восьмилетнюю школу Тотемского района, что находится в селе Красное, бывшем до переименования в 20-х годах селом Благовещенским в волости Толшма. Сама эта волость делится до сих пор на Верх-Толшму с селами Успенье и Предтеча, собственно Толшму с селом Никольским и церковью Вознесения и на Усть-Толшму с упомянутым Благовещенским. Усть-Толшма во все времена была перевалочным пунктом, перевозом, в последние десятилетия – с паромом. Этот паром, как последнее препятствие на пути на родину кочует в творчестве Николая Рубцова из книги в книгу, начиная с “Лирики”. Тот эмоциональный фон, на котором передаются эти встречи поэта с паромом, очень близок и понятен всем, кто знаком со стихами Рубцова и с устьтолшменским паромом. Впрочем, тут надо отметить вот что: сейчас пристань в Усть-Толшме находится на правом берегу, но раньше, до начала 70-годов, она стояла на левом, у деревни Черепаниха, поэтому, чтобы попасть в Николу, надо было обязательно воспользоваться паромом. Этот паром несколько лет назад был списан и стоит сейчас на берегу около тотемского затона. “Паром им. Рубцова”.

Так вот, в Красном я жил в так называемом “учительском доме” на берегу Сухоны, недалеко от парома. Однажды весной с соседом мы решили заменить огород вокруг дома, штакетник которого иструх совершил. Мы сидели перекуривали, когда к огороду подошел старик с тросточкой и говорит шутя - что, мол, вы, мужики, делаете, это исторический забор, я, говорит, хорошо помню, как под ним полдня спал пьяный Рубцов. Старик этот работал раньше в сельпо,правление которого было в Красном, и знал многих толшмяков с Николы, в том числе и Рубцова. Его, говорит, с утреннего парохода вывели под ручки, а кто-то довел и до учительского дома, тут он и проспал до обеда. Сельпо было напротив “исторического огорода”, и из окна старик видел, как Николай встал, закурил, подхватил сеточку и пошел по никольской дороге домой. Эта дорога нынче заброшена и наполовину заросла, шла она вдоль реки Толшмы, иногда по самому берегу, через деревни Засека, Манылово, Погост, Соколово, Воротишну – до Николы. Новая дорога минует все деревни стороной и особой живописностью видов не балует, не то, что старая. “Дорога им. Рубцова”.

А вот второй случай, крепко сидящий у меня в памяти, но героем был уже не сам Рубцов, а его потрясающие стихи. Об этом мне рассказала одна деревенская учи-

тельница. Как-то раз она позвала одного мужика резать поросенка. Мужик этот самий простецкий – в меру любил выпить, но и, как говорится, был себе на уме – и плотник, и печник, и с животиной умел обращаться. Вначале он устроился точить ножи, а хозяйка вышла на двор. Прихожу, говорит, а Павлин сидит, читает рубцовские “Подорожники”, которые лежали на подоконнике у стола. Так и дочитал до конца (!), а на все слова хозяйки только мычал что-то в ответ. Дочитал, крякнул... и пошел резать поросенка. “Мужик им. Рубцова”.

Сам я к поэзии с детства не питал особого уважения, как, впрочем, и сейчас. Мне все кажется, что преобладающее количество стихов не что иное, как плохая рифмованная проза. Но Рубцо-о-в! в сельской библиотеке у меня на родине были все книжки его стихов, а еще книга В. Кожинова. Все это я прочитал, когда мне было 13-14 лет, и с тех пор собираю по возможности воспоминания о Николае Рубцове из газет, журналов и книг. Моя “рубцовиана” далеко не полная, но я рад и тому, что у меня собрано. “Память им. Рубцова”.

Николай УСТЮЖАНИН

Снова я слышу,
снова и снова
голос печальный
поэта Рубцова.
Это с его мимолетно
тенью
стало так грустно
всему поколению.
Только на Севере
Русь и осталась, -
где опечалилась,
где замечталась.
Время ушло,
но и новые власти
душу живую
разъяли на части...
Вот почему слышен
снова и снова
голос печальный
поэта Рубцова.
г. Москва

Вилиор ИВАНОВ

НА КНИЖКУ “ЛИРИКА” НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Пусть тонкая книжечка эта
Как будто невзрачна на вид,
Но русское слово поэта
Волшебную силу таит.

На свет понимания вышла
Согретая чувством строки,
Пленила величием смысла
И простотой языка.

Не раз я окидывал взором
Кричащие корочки книг,
Не раз восхищался узором
Стихов, напечатанных в них.

Но тонкая книжечка эта
Мне сборников многих милей,
Поскольку большого поэта
Душа узнаваема в ней.

Лзбраниое

Николай БУШЕНЕВ

Люди – муравьи.
Вечен их удел.
Выше головы
Дум, забот и дел.

Люди – мошара,
Их несносен звон.
Их дави, карай.
И гони их вон.

Люди – гады (бrr!).
Ползают у ног.
Нескончаем пир
Зависти и склок.

А у мертвых вод,
В грозных бурях сник,
Слабо ропщет тот
“Мыслящий тростник”.

Я тебя недавно встретил.
Так, случайно, в коридоре.
Ну и что? Девчата, парни
проходили чередою.

Проходили чередою.
Промелькнули вереницей.
Я тебя одну увидел.
Ты одна смогла присниться.

И меня захватывает снова
И уже не хочет отпускать
Эта зыбкость и летучесть слова –
Свету звездного луча под стать.

Бессонниц невесомость
и бездонность.
Из яви в сон неясный переход.
Небеснозвонность,
колоколозвонность.
И только дивных слов недостает.

Когда грудная клетка нараспашку,
простор, свобода слаше всех утех.
Готов и сердце выпустить, как
пташку.

Летай для всех и распевай для всех!

Как спать в такую ночь да в клетке
тесной?!
В ней сердце – эмбрион,
не соловей.
О вылет в мир, доныне
неизвестный,
Мир без границ! Я с ним одних
кровей...

1992

Я смертельно болен.
Скоро я помру.
Стану я свободен.
Грусть свою сотру.

Я смертельно болен.
Что вам до меня?
Ни на что не годен.
Зря со мной возня.

Солнце жизни село.
Только не тужу.

Мне до вас нет дела,
Так что ухожу.

1991

Столпы толпы,
а не гнилые ль вы?
Вам не сберечь
трухлявой головы.

Мы в тупике.
Навеки иль пока?
Кто будет выводить из тупика?

А вдруг опять в трясину уведет
Очередной великий... идиот?

1991

Андрей ЗАРУБИН

ИСТЕРИКА

Я так стучал тебе по телефону
я так звонил во все колокола
я бился в дверь как рыба о прилавок
я назначал свидания другим
(другие, кстати, тоже не ходили)
я отобрал у нищенки сухарь
и долго грыз испытывая стыд
я все искал жетоны на метро
в краях где не слыхали о подземке
я так хотел чтоб ты была со мной
но ты уже ушла по скользкой
тропке

НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Бревенчатый сруб,
Коптящая печь.

Срываются с губ
Ненужная речь.
Сырые дрова.
Сырые слова.
Ах, ты не права!
Ах, я не права?!
И снова ответ
На глупый вопрос.
И нет сигарет,
И нет папирос.
Один самосад,
И тот сырват.
Разрушенный лад,
Обрушенный взгляд.
Кончается ночь.
Кричат петухи.
Оставлена дочь
Пока у снохи.
А там поглядим
Кому отдавать.
Махорочный дым
Обходит кровать
И вяжет петлю
На уровне глаз.
А нет бы – “Люблю”
Здесь и сейчас...

ЧЕРЕПОВЕЦ

Я не стану даже по пьяни
Романтично мечтать о Москве.
У нее ж две колоды в кармане
И крапленый валет в рукаве!

У нее же меняются моды,
Ну, а здесь уже много лет
У меня самого две колоды
И в кармане крапленый валет!

Критика и библиография

Вячеслав БЕЛКОВ

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

О стихах Михаила Каракева

В то поколение вологодских поэтов, которое мы условно называем сегодня “сорокалетними” по праву входит и Михаил Каракев. Рядом с ним теперь – Василий Мишенев и Владимир Кудрявцев, Юрий Максин, Владислав Кокорин, Лидия Теплова и другие.

Но... Но так получилось, что из всего этого поколения Михаил Каракев “выстрелил” первым – его книжка стихов “Птицы издалёка” выпала аж в 1987 году. И вышла не где-нибудь, а в Москве, и рецензентом ее в издательстве был сам Вадим Валерьевич Кожинов. Было, правда, исключение – в 82 году в приложении к журналу “Молодая гвардия” (нас всегда хотели умолодить) издан была книжка Натальи Сидоровой. Но исключение только подтверждает правило, истину...

Так бывает – точный мастерский выстрел сделал М. Каракев, но он был слишком ранний, его плохо слышали и недооценили. О книге почти не писали. Мне даже известен такой странный случай: большая рецензия на “Птицы издалёка” была написана в Череповце и рецензия в Вологде. Почему-то обе не были опубликованы...

Уже по нескольким первым стихотворениям книги Михаила Каракева можно представить целый мир, из которого вышел автор. Я хотел сначала сказать, что это мир русской деревни, но вот парадокс – это именно весь мир, хотя реалии названы вполне деревенские. Сначала автор смотрит на мир почти детскими глазами:

Сильный ветер расшатывал стены,
В окна черные бился с водой!
Трепетали домашние тени:
Дальний ветер играет с тобой!

И, под теплым таясь одеялом,
Я не смел отозваться: я тут!
Все казалось: меня за углами
Восемь крыльев его стерегут!..

В другом прекрасном стихотворении, которое я лишь из экономии не цитирую целиком, есть такие строки:

От шума проснувшись,
Стриженый мальчик
Крадется к окну.
Молчит в темноту...

И так, постепенно, этот мир расширяется. И вот “стал он взрослым, к тому ж и поэт”. Лирический герой уходит, уезжает из родных пределов. “И меня, как осеннее семя, унесет в неизвестное время!..” - говорит поэт в одном из стихотворений, как бы заглядывая на много лет вперед.

А вот теперь мы с вами все оказались в этом “неизвестном времени”. Много намеков найдем мы в книжке об этом времени: “Холодом веет в пустой деревушке...”, “И удержать невозможно мысли тревожной...”, “На чуждом пороге...”.

Но я не буду говорить о нынешнем тусклово-грозовом времени, не буду выстраивать и концепций вокруг творчества Михаила Караваева. Он многое сказал в таких стихах, как “Пойдем да поедем...”, “Да, тяжелые громы столетья...”, “В темном автобусе дальней дорогой...” и других. Эти стихи относятся к лучшим в его творчестве. Хотя я обратил бы внимание и на многие другие стихи. Поэт открыт для читателей, и я мог бы с чистой совестью назвать эти заметки – “Открытое сердце”.

После своей первой книги Михаил Караваев писал и пишет мало, печатается крайне редко. Это проблема. Но есть и проблема философская: прав ли был автор, когда писал “Удержали нас корни наследья”?.. Впрочем, как во всякой истинной поэзии точных ответов мы не найдем. И в жизни тоже. Кстати, при всей открытости в стихах Михаила Караваева есть и обаяние тайны. Перечитайте их...

Полный реестр...

Александр Сидоренко, поэт, прозаик. Живет в Череповце, по профессии – школьный учитель. Публиковался в газетах, в журнале “Автограф”. В альманахе “Воскресенский проспект” напечатал любопытную повесть – “Дневник тихой дурочки”.

Михаил Петров, поэт, родился 15 ноября 1913 года в д. Колобово Вологодской губернии. Окончил техникум в Череповце. Участник двух войн. После войны много публиковался в ленинградском “Дне поэзии” и журналах. Вторая книга “Осенние костры” издана в 1995 году, когда автора уже не было в живых.

Кирилл Кренделев. Газета “Голос Череповца” сообщала: “8 марта 1996 года на 69-м году жизни скончался ветеран комбината (АО “Северсталь”), известный публицист, автор книги “Отраженное небо” и просто хороший человек Кирилл Дмитриевич Кренделев...”.

Галина Констанская родилась в деревне Конево Белозерского района. Закончила Череповецкий пединститут, живет и работает в Череповце. Все-рьез начала писать стихи в 1994 году. Автор поэтического сборника “Семь тюльпанов” (1998). Печаталась в журнале “Автограф” и других изданиях.

Николай Кучмидя, прозаик, родился в 1942 году в Череповецком районе. Учился в Суворовском училище, служил в пехоте. Плавал по морям, работал на заводе. Окончил Литературный институт, печатался во многих журналах. Веселый человек.

Александр Ястребов родился в 1953 году во Владимирской области. В 1969 приехал в Череповец. Служил в армии, писал стихи. Печатался в газетах “Вологодский комсомолец” и “Коммунист”.

Вера Краснова родилась в 1950 году в Белозерском районе. С 1969 года – в Череповце. Работала в “Коммунисте”, писала стихи. Печаталась в газетах и в журнале “Север”.

Эмиль Смирнов, прозаик, журналист, родился в 1938 году в Череповецком районе, работал на металлургическом заводе, окончил Литинститут. Позднее жил в Вологде, работал в “Красном Севере”.

Продолжение следует.

Книжная полка

Александр Лебедев “Цветы запоздалые” (женщины в жизни Василия Шукшина). – М., 1999. Книга замечательного исследователя, бескорыстного энтузиаста из Подмосковья. Это вторая его книга. Первая – “Печальник Земли Русской” (автографы Шукшина). – Воскресенск, 1997. В этом номере журнала мы воспроизводим автограф Шукшина из книги А. Лебедева.

Василий Белов “Медовый месяц” (повести). – Вологда, 2000. Серия “Вологда. 20 век”.

Ольга Фокина “С ладони на ладонь” (стихи). – Вологда, 2000. Серия “Вологда. 20 век”.

Юрий Максин “Тихой жизни круг” (стихотворения). – Вологда, 2000. Серия “Вологда. 20 век”. Книга избранных стихов нашего постоянного автора.

Виктор Бараков “Слово в вечности” (о поэтах и поэзии). – Вологда, 2000. Серия “Вологда. 20 век”.

Роман Арсеньев (Красильников) “Без оправданий” (стихи и проза о любви). – Вологда, 2000. Графика Евгения Филина.

Александр Дубинин “Звукоряд” (стихи). – Вологда, 2000. Новая книга постоянного автора журнала “Автограф”.

МНЕНИЯ:

Особенно порадовала при знакомстве со стихами Александра Климова их свежесть и насыщенность меткими сравнениями и образами. Не взятыми на прокат из любимых поэтов, а своими, именно им найденными.

Вот некоторые из них: “Лжи нарядный уголек выглядит опасным”, “Дождик шагом воробышком пыль дорожную прибывает”, “Желтый лист судьбой не дорожит и на тонкой веточке дрожит”.

Нельзя не отметить в этом же качестве и совершенно неожиданную своей блистательностью концовку стихотворения “Я отошел от сутолоки дней...”:

*Противник зла и мелкой суеты –
Бегу в свою любимую светелку,
Где в каплях незавидной
простоты*

*Я вдену нить
грядущего в иголку.*

Н. Данилов

Короткая проза

Юрий МАКСИН

“ПИСАТЕЛЬ ПРОДАЕТ БИБЛИОТЕКУ”

Объявление в районной газете было напечатано крупно и сразу бросалось в глаза. Небольшой городишко, где я оказался проездом, был мне знаком. Как, кстати, и автор объявления. Лет двадцать назад я впервые появился здесь с дипломом педагога и двумя чемоданами книг. За короткое время перезнакомился с местными знаменитостями. А когда наскучили, продолжал общаться только с двумя.

Три года незаметных...

Тогда-то, в один из зимних вечеров писатель, как он себя называл, и насмотрел у меня двухтомник “Древнекитайская философия”. И попросил почтить редкостное по тем временам издание. На этой модной философии мы и сошлись.

Все три года я также пользовался его библиотекой. Она была собрана со вкусом, но прокурена и запылена до безобразия.

И мой дорогой двухтомник за месяц усердного чтения пропах “Памиром”, “Примой”, дешевыми прибалтийскими сигаретами в зеленых пачках и самодельной махоркой. Словом, приобрел он такой же бывалый вид, что и его временные соседи на немытых полках.

Давно замечено, что книги, как и домашние животные, похожи на хозяев.

Брэзга по натуре, я редко брал книги у писателя. Брезгливость досталась мне от предка, крестившегося двумя перстами. Вот и читал, иной раз, почти не дыша, ненавидя, как предок, табачный дух.

Впрочем, эти проблемы решаются просто. С тех пор даю книги только знакомым чистоплотным женщинам. От них остается чарующий запах духов, да иногда листик клена, или цветок меж любимых страниц...

Прочитав объявление, я крепко задумался: “Библиотека, собранная с трудом, когда многие издания стоили половины зарплаты, - это часть жизни, и немалая. А время на поиск? Оно не подвластно учету. И контролю, как советовал классик.

Да что вспоминать о страстих книголюбов времен недостройки. Теперь в дефиците другое. Деньги. Их в провинции нет. Настоящей литературы, по

этой грустной причине, она давно не видит. Не дай Бог здесь оставаться совсем без книг. Может, стоит предостеречь?"

В общем, прекратив воспоминания и размышления, побрел я к своему приятелю, с одного конца городка на другой. Книги его мне были без надобности. Запах тяжелого курева до сих пор не вывелся со страниц "Древнекитайской философии". Как заядлый бомж, двухтомник крепко отравил жизнь соседям по книжной полке. Но это была память о светлых днях моей юности, другая повыветрилась.

Поднявшись на второй этаж деревянного дома, каких полно в каждом районе, я надавил на кнопку звонка. Тишина напомнила, что и двадцать лет назад звонок не работал. Звонки тоже похожи на своих хозяев. Я надавил на дверь, без стука, как прежде. Она открылась. Писатель отсутствовал. Кроме книг, металлической кружки, черной изнутри от жесткого чифиря, ложки, да источенного кухонного ножа брать в доме было нечего. Заходи любой. Неудивительно, — он всегда так жил.

Диван, стол и стул имели вид худший, чем собратья на свалке.

Я решил посмотреть на знакомые книги. Боже мой! От них пахло такой тоской, такой неухоженностью. Все эти двадцать, нет, больше, лет с них никто не стирал пыль. Они были забыты и, действительно, не нужны своему владельцу.

Книги продать было можно, но по цене, не достойной их содержания.

На что надеялся приятель, давая объявление в газете, да еще на последние деньги? Это еще предстояло узнать.

На лестнице взвыли шаги. И я снова увидел темные от никотина, но цепкие зубы, широкие ноздри нахального носа, длинные серые патлы. Такого же цвета глаза. И услышал, как раньше: "Здорово, на...!"

Явились — ядреная русская речь и ее самозванный слуга.

Таить греха не стану, взял я с собой пузырь, но пить из писательской кружки не решился... Не на войне же, ей-богу.

- Пойдем-ка, Толя, в столовку, съедим что-нибудь...

В столовой я взял два обеда, стаканы. Ел Толя вяло, после вина порывался стрельнуть закурить. А минут через десять я уже пожалел, что налил ему алкоголя.

Писатель понес вдруг такую околосицу. Прихихикавая и целиком обнажая свои обалденные зубы, он заявил, что всех нас давно наблюдают из космоса через сверхмощные телескопы. И назвал ряд планет, где "эти козлы" обитают. Как будто на Земле их нехватка.

Но больше всего удивило меня его сообщение, что через космический телескоп один вредный немец медленно, но верно заражает нашу планету сифилисом и прочими гадкими болезнями.

Раскрыв рот, я слушал поток удивительной речи. Куда там фантастам до бедного Толи!

Не поверив мелькнувшей догадке, через полчаса убедился в ней окончательно. Мой приятель стал жертвой глухой провинциальной тоски, иными словами, у него давно съехала крыша.

Расплескав супчик по своей половине стола, он во время рассказа набрызгал сплоны в мою тарелку со вторым. Есть это было уже невозможно.

- Что телевизор, - шептал Толя мне в ухо, - я общаюсь с инопланетянами...

Телека в его аскетической квартире никакого не было, правда, шнур от антенны, пыльный, как дохлая змея, лежал в углу комнаты.

- Вот, смотри, какие на башке ожоги, даже скафандр не помогает.

Ожогов на бедной голове моего приятеля не наблюдалось. Возможно, под серыми патлами его беспокоили лишай, или что-то другое, но с мозгами случилось непоправимое.

В момент, когда Толя примолк, тыкая вилкой в яичницу с колбасой, я спросил у него о библиотеке – зачем продает?

- А книгу хочу издать, стихов. У меня их много.

- Прочти что-нибудь.

Толя легко согласился. Стихотворение врезалось в мою память навсегда. Не только под влиянием минуты. Поэзия оживила лицо Анатолия прежним светом незамутненного разума, его настоящей души. Он читал, глядя на меня как бы сверху, чуть покачиваясь в ритме стиха:

Не в слаломе за славой,
не чая на чины,
хочу в стихи оправить
окно из тишины.

Чтобы за строчной трассой,
на грани бытия,
роилась скрытой массой
материя моя.

Чтоб в знаках и меж знаков
читался жизни след.
Так Солнце Зодиаком
проходит бездны лет...

- Великолепно! – невольно вырвалось у меня. – И много таких?
- А и все остальные – такая же бяка, - выкрикнул Толя. И в порыве свободного смеха снова забрызгал меня порцией мелкой слюны.

Сидеть в столовой дальше не имело смысла. Писатель, как я понял, уже давно насытился. Поклевал, как птичка, глотнул винца. Винцом и сыт.

Мы вышли на улицу, он попросил сигарет. Я купил ему несколько пачек. Он сунул их в карман, кивнув в знак благодарности. Кивнул как-то холодно, почти надменно, не по-приятельски. В парке Толя закурил. На время сигарета заняла его полностью.

Слова наши иссякли. Он посмотрел в небеса. Глаза его снова созерцали что-то неведомое взгляду обычного человека. Я пожал ему руку и двинулся на вокзал...

Года через два, проездом, снова побывал в знакомом городишке. Зашел к коллеге-учителю, живущему недалеко от вокзала. За разговором о житье-бытье спросил, как чувствует себя Толя.

- А Толя умер... Сначала попал в психушку. Там от лекарств и еды его раздуло, как мяч. Отпустили. Бродил по вокзалу, собирая окурки. Зимой замерз.

- Где?
- А рядом, на площади, ночью...

Вокзал, кстати, позже сгорел, так и не согрев моего приятеля.

- Послушай, а книгу свою он издал?
- Какая там книга! У него и машинки-то пишущей не было. А сидеть, записывать за ним дуры не нашлось. Держал стихи в башке, все с собой и унес...

Почти все. Я прочитал учителю Толино стихотворение.

Потом мы шли молча вдоль реки, вытянувшей город в длинную тощую глиству, летом зеленую, зимой – пускающую седой пар из всех своих сытых дыр.

На развалинах церкви, где сиживали мы с Толей двадцать два года назад, помянули его со слезой.

Учитель не знал, где была Толина могила, а родственников у него не осталось. Он был одинок. Но не одиночеством волка, а одиночеством непонятого, невостребованного человека.

Не знаю, что стало последней холодной каплей, замутившей Толину душу. Одиночество, в общем-то, привычно для всех одаренных людей. Оно даже желаемо. Но должен быть и момент выхода на публику.

Общения не хватило? Да, книги – книгами, но, как сказал наш общий знакомый, “не нашлось ни одной дуры”. Или спонсора. Прости, Господи, за грубые слова.

Сколько чудесных людей вот так потеряли. Нет! Мы должны, мы обязаны держаться вместе.

Вячеслав БЕЛКОВ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Рассказ

...Не-е, серьезно жить нельзя. Надо жить с улыбочкой, как бы всегда под хмельком. Как дядя Володя когда-то. Ёк-макарёк.

Вокруг сплошной абсурд, а ты будешь с умным видом пытаться его понять, перейти это болото... А тут еще эти хамы американцы Сербию начали бомбить. Дикость. И такое чувство, будто на мою голову эти бомбы падают, на наши головы.

...Вот, завел записную книжку. А чего в ней сейчас писать? Кому это надо? Если только для себя. И то – откроешь через пять лет – сам себя читать не захочешь. Или испугаешься.

Пришла литературная дама. Принесла стихи в журнал “Автограф”. Какой-то модернизм. Сразу вспомнил слова Рубцова о настоящей поэзии – звучность, лиризм, естественность. А у этой дамы – ни того, ни другого, ни третьего! Как можно так жить, так писать! Что творится вокруг? Что происходит с литературой? А поэты? – Прячутся и всё! Боятся душу приоткрыть свою, хоть на миллиметр. Для них стихотворство стало искусством прятаться, искусством маскировки...

Душа-то не работает. Еще откажемся от рифмы и ритма – и все, стихи можно будет писать километрами, и без всяких усилий! И такие стихи уже есть.

Впрочем, хватит об этом. Давно хочу выписать, что теперь говорят наши газеты (“демократические”) об Америке. Ну, например: “США не принимают ни одного международного соглашения, которое отдавало бы юридическую власть над американцами судам других наций. Но себе американцы взяли право судить всех, всегда, в любом месте и по любому поводу”.

Вы думаете, это пишет “Советская Россия”, которую либералы называют “Савраской”? Нет, это пишет прожженная “Литературная газета”, которая 14 лет вдалбливала в головы читателей совсем другие мысли об Америке. Теперь проснулись, как говорится. А поутру они проснулись... И хоть бы кто покаялся, извинился за те потоки лжи, которые газеты и ТВ вылили на людей в ельцинские времена!

...Но и об этом хватит. Не для этого же я записную книжку завел. А для чего? Чтобы разные события интересные отмечать, словечки записывать, выражения... Например: Череповец – Чикаго – Чебсара! Звучит? Или: Водосточная красавица... Ньюксеница... Пыль Валери...

Литературе все пригодится, все понадобится когда-нибудь. Но без политики тоже никак не обойдешься. В одном из давних выступлений тот самый А.Н. Яковлев произнес: “Родословная социализма в свободолюбии, свободомыслии и прогрессе”. Красиво сказал. А потом вместе с Горби свернувшую этому самому социализму...

А родина, она не виновата
В том, что лицом к лицу, напряжены:
Вы – поколенье новое Арбата,
Мы – поколенье новое страны...

Ха-ха... Иногда у меня еще и стихи сочиняются, надо же. Но лучше я анекдот расскажу. На банкете одного банкира нового познакомили с известным писателем. Банкир засмеялся: мне как-то неловко, я уж книжки давно в руки не брал... Да вы не стесняйтесь, - говорит писатель, - я тоже давно денег в руках не держал!..

Во время одной из операций ЦРУ США было уничтожено на юге Индокитая более 20 000 вьетнамцев. Как потом признал У. Колби, многие из них были убиты ошибочно... Ошибочка вышла. Оплот демократии немножко ошибся.

В каком-то смысле Россия всегда была вынуждена выбирать между западом и востоком, между Троцким и Сталиным...

Нет, я вынужден пока отложить в сторону свою записную книжку. Надо сперва успокоиться, нельзя так, нельзя...

Николай УСАНОВ

УСТОЙЧИВАЯ СИСТЕМКА

Бездомная подошла к избе. Много домов обошла. Никто не пускал – ведь она просилась жить. В этой избе – хозяин и хозяйка, внучка, пес и кошка. Хозяин, добродушный толстяк, встретил бездомную приветливо. Весело шутил, был рад гостью. Сразу же рассказал анекдот. Заверил, что с его стороны против постоялицы возражений нет.

Приветливой оказалась и хозяйка. Чувствительная к горю, сразу же с радостью усадила бедняжку за стол, потчевала, расспрашивала. Не только не возражала, а еще сама уговаривала жить у них:

Куда ты пойдешь? Конечно, оставайся! –

Внучка, по примеру старших, с уважением отнеслась к новому человеку. Пес, даже и тот ластился к бедняжке. Между жителями дома были давно установленные отношения. Все определено навсегда: занимаемые места, занятия и права. Разделение прав распределено до таких мельчайших деталей, что не было случаев его нарушения в течение месяца. Зато, если такое нарушение возникало, пусть даже в самом ничтожном пустяке, каждый член семьи защищал свои права с яростью. Хозяйка раз ошиблась, нарушила права кошки. Та ее так цапнула, что кровь хлынула во все стороны. Хозяйка и не спорила. В другой раз кошка из ошибке сделала нарушение прав пса. Так он чуть не перерубил ее челюстями.

Чтоб получить право жить в доме, бездомной осталось лишь заручиться согласием кошки. Ведь внучка и пес приняли бедняжку с восторгом. Но кошка возразила. Напрасно бездомная заверяла и доказывала, что ничем не помешает кошке и будет выполнять все ее требования. Напрасно несчастная пла-кала и умоляла кошку пожалеть ее.

Обливаясь слезами, несчастная простились с хозяевами. Те искренне расстроились и выразили ей сочувствие. Внучка тоже. А пес тяжело вздохнул. Бездомная направилась к следующей избе.

Александр ПОШЕХОНОВ

АФОРИЗМЫ

Слово дано человеку Богом не для браны, а для любви. Употребивший слово во зло оскверняет своим поступком не просто гражданина или группу граждан, он оскверняет мораль, честь и достоинство целого народа, целой нации.

Мудрость внешне пассивна, ибо всякие активные действия не лишены ошибок. Сила мудрости не в действии, а в предвидении действия, в предвидении конечного результата.

Иные мысли, что зимние сумерки: и в потемках жутко, и огня жалко...

Настоящее и будущее полны иллюзий. Реально только прошлое. Но чем дальше оно уходит от нас, тем больше похоже на сон.

Моя тень молчаливо напоминает мне о моем присутствии.

Для одних искусство – это искус оспорить Бога. Для других искусство – это искус понять Его.

Как дым далекого пожара, я молчалив.

Человечество похоже на ребенка, возводящего песочные города на берегу моря.

Грешу и каюсь, каюсь и грешу – се человек.

Разрушив старый дом и вырезав жителей, не построить на его месте Храм. Как ни старайся, но получится тюрьма.

Когда идешь своей дорогой, не думай о ее длине. Твоя дорога всегда с тобой.

Время победить невозможно, можно лишь утвердиться в нем на какое-то время.

Снегопад как молитва: пока идет – тревожит, а закончится – удивляет.

Истинное не доказывают, истинное привносят.

Память

Вера ПОПОВА

ЛЮДМИЛА ШАБАНОВА

Она родилась 14 декабря 1949 года. Училась будущая поэтесса в 6-й и 12-й школах Череповца. Затем работала на фабрике бельевого трикотажа. Впервые ее стихи опубликовала газета "Коммунист" - 8 марта 1977 года. Ольга Фокина, прочитав стихи, поблагодарила редакцию: "Спасибо за такую приятную неожиданность".

Людмила готовилась к поступлению в литературный институт. Но все ее надежды перечеркнула болезнь... Короткой - 33 года - была ее жизнь. Но и сегодня многие строки Людмилы Шабановой живут и радуют людей.

Ты помнишь дождь и этот лес,
Кувшинок мокрые головки,
Тот день, начавшийся с чудес,
На белозерской остановке?
Плескались в лужах облака,
Потом бесследно упывали,
А рядом женщины стога
Почти играючи метали...
И мы, отзывчиво легки
На каждый шорох и дыханье,
С тобой искали васильки,
Но не во ржи, а на поляне.
Потом нас бабка, обсушив,
Вела казать свои хоромы,
С наивной мудростью решив,
Что мы с тобой сто лет знакомы.
И мы смеялись вместе с ней,
Сев под березой на опушке,
Прося таких же светлых дней
У несговорчивой кукушки.

АЛЕКСАНДР ШВЕЦОВ

“Пока пою, не умираю...”

Александр Швецов. Вот уж кто жил по девизу “Ни дня без строчки!” Писал он много, особенно в молодые годы. Были у Швецова и творческие неудачи. Например, в 83-м году поэт послал в Северо-Западное книжное издательство рукопись стихов “День ангела”. Она была отвергнута, вполне справедливо.

Мы выбрали из рукописи “День ангела” несколько лучших четверостиший, которые и предлагаем читателям журнала.

Чутка душа к беде любой,
как к ветру шарик голубой.
Как детский шарик голубой,
держу ее над головой.

Старухи шептут: “Выпивал,
замечен был и в потасовке,
за что в милиции бывал...”
Но был еще и в Третьяковке!

Смотри, обычная трава –
как откровение искусства!
Вот так же, верно, и слова –
что не слова еще, а чувства.

Среди городских площадей,
попутчиков, рыжих и русых,
как мало веселых и грустных,
и много усталых людей.

Ни строчки. Раздражает шум.
В деревню бы! И запою!
Но не свое и там на ум:
“Устал я жить в родном kraю...”

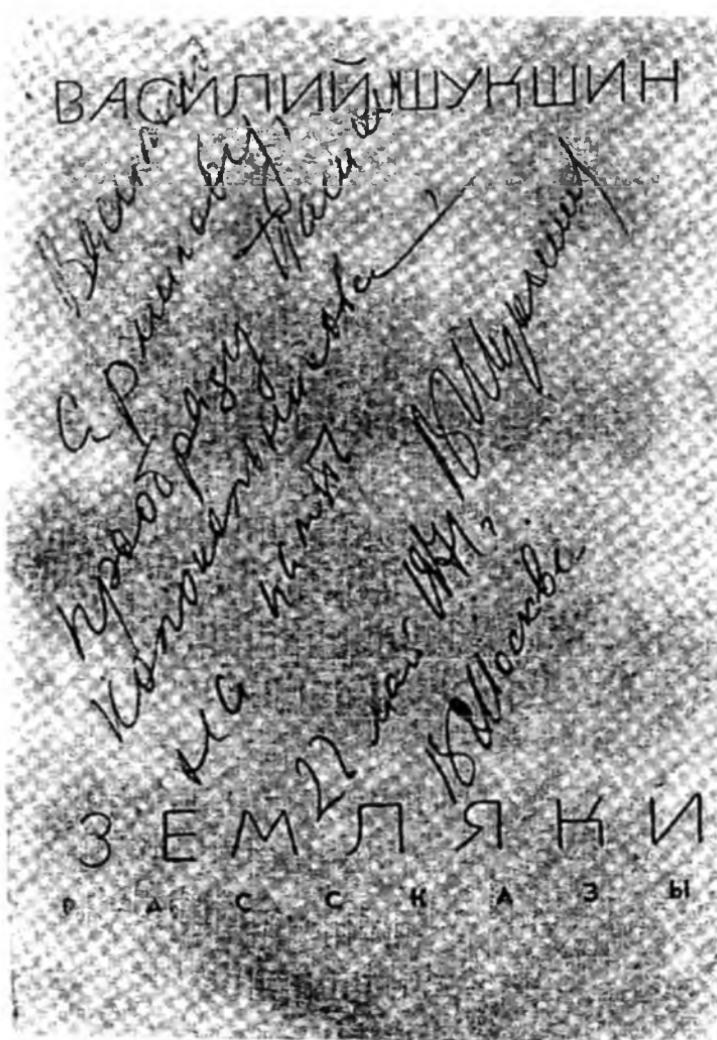
Не поленись, напиши –
будь, умоляю, послушной! –
несколько строк для души
рученькой самой бездушной.

Впервые выступаю,
в глаза не погляжу.
Как по ледку ступаю –
на сцену выхожу.

За здоровье! – до рассвета.
За Россиюшку! – опять.
Хорошо, что пьем за это,
постоять бы, постоять!

Автограф

Василий Шукшин

Михаил ИСАКОВСКИЙ

Кагомча

Расувегам и блоки и груши,
Пойти в туман над водой.
Выходит на берег Кагомча,
На высокий берег на кручине.

Выходит - песня Забытая
Про белого сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, who писала берега.

Он, он, песня, песенка забытая,
Мы летим на донце Соловецкого моря
И берегу на донце погружайтесь
Он Кагомчи передан привет.

Пусть он вспоминает забытую просьбу,
Пусть устремят, как она любит
Пусть он заслон берегет родную,
И любить Кагомча сберегет.

Расувегам и блоки и груши,
Пойти в туман над рекой.
Выходит на берег Кагомча,
На высокий берег на кручине.

М. Исаковский

Графика

Сегодня мы представляем художников из города Сокола – Анну Мисину и Павла Тихомирова. Это молодые художники и, думаем, их работы еще не раз появятся на страницах “Автографа”.

Анна МИСИНА

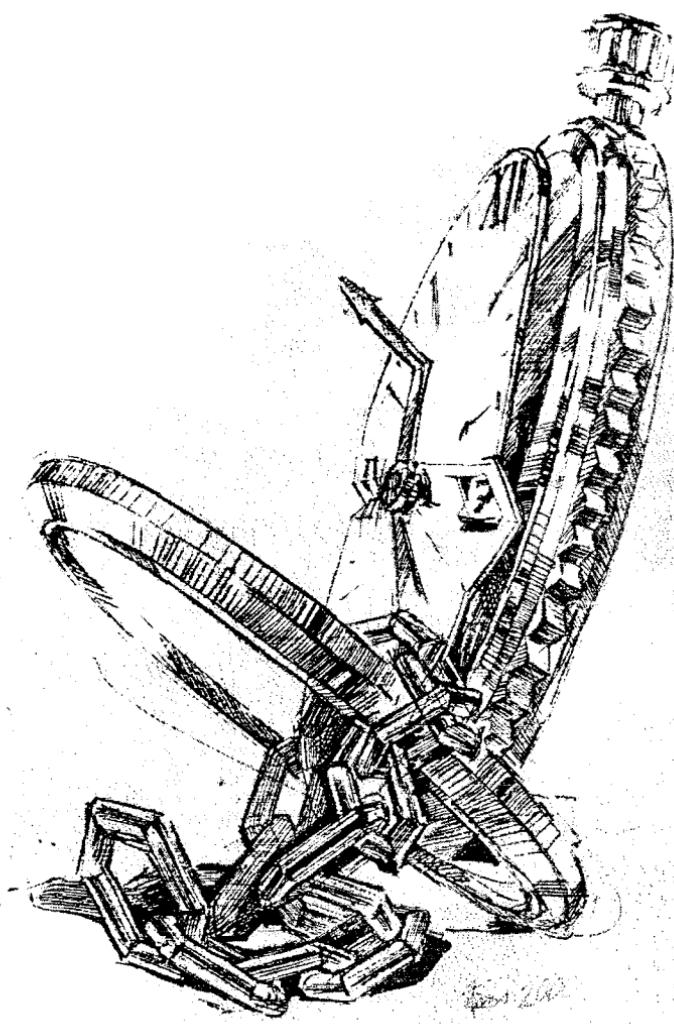

“Мелодия”

"Правда и крикда"

Павел ТИХОМИРОВ

"Часики"

Приложение

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ ВОЛОГЖАН

Эклибрисы работы Нины Железняк

АВТОГРАФ
Литературно-художеств. журнал

**Обществ. совет: Ю. М. Леднев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов, Н. Т. Бушенев, В. В. Попова,
А. Ю. Петухов, Н. Б. Шилова.**

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

**Сдано в набор 6.09.00 Подп. в печать 28.09.00
Заказ №307**

10